

М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ И СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Общетеоретические соображения и конкретные работы, посвященные выявлению специфики тех или иных языков, привели к убеждению, что исчерпывающее описание данного языка в целом как некоего инварианта не позволяет ограничиться исследованием этого языка только изнутри. Дело в том, что само понятие специфичности языка и тем более определение степени специфичности предполагает соотнесение элементов этого языка с системой, находящейся вне его и принимаемой за начало отсчета; разница между этой последней системой и системой исследуемого языка и будет представлять собой меру специфичности этого языка. Поэтому сравнение в языкознании является гораздо более универсальным приемом исследования, чем предполагалось раньше; оно включает в себя не только определение соотношения двух или более разных языковых систем в целом или в определенном образом избранных фрагментах, но и сопоставление разных частей одной и той же системы друг с другом, системы языка с ее практической реализацией в речи, системы языка с другими видами семиотических систем и т. п. Построение общей теории отношений языковых систем, представляющее собой сейчас наиболее существенную задачу теоретического языкознания, также опирается на сравнение и без него совершенно невысказимо.

В языкознании принято обычно различать три типа сравнения языковых фактов — генетическое, ареальное и типологическое¹, отличающиеся друг от друга как выбором объектов сравнения, так и целями сравнения, определяющимися, впрочем, уже выбором сравниваемых объектов. Считается, что каждый из перечисленных видов сравнения имеет свою область и основывается на специфических критериях подобия.

Хотя в принципе осознавалось, что генетическое, ареальное и типологическое сравнения не являются взаимоисключающими в том смысле, что можно типологически сопоставлять родственные языки или исследовать их в плане ареального сравнения, определяя влияние одного языка на другой, тем не менее наблюдалась тенденция, продолжающаяся и в настоящее время, излишне четко разграничивать сферы приложения каждого из трех типов сравнения. В частности, эта тенденция проявляется до сих пор в том, что, даже допуская возможность приложения данного типа сравнения (например, типологического) к разным областям (в частности, к исследованию генетически родственных языков), считают такой подход малоэффективным и часто практически излишним, поскольку в распоряжении исследователя есть более непосредственное орудие анализа.

¹ Четче других специфику этих типов сравнения определил И. Гринберг. См.: J. H. Greenberg. *Essays in linguistics*. Chicago, 1957 (особенно Chapter VI. Language, diffusion and migration); e g o ж e. The nature and uses of linguistic typologies. — IJAL, XXIII, № 2, 1957 и др.

Несомненно, что для такого взгляда есть некоторые основания. Так, генетическое сравнение действительно ограничено в своем применении лишь родственными языками и становится бессмысленным, как только оно приложено к неродственным языкам, поскольку исчезает основной критерий генетического исследования — подобие сравниваемых языковых единиц в звуковом и семантическом (включая сюда и грамматические значения) отношении. В тех случаях, когда все-таки делаются попытки распространить генетическое сравнение за пределы языков, признаваемых родственными, обычно исходят из того, что в будущем возникнет возможность признать эти языки родственными², или из того, что на стыке двух неродственных в языковом отношении ареалов существуют явления лингвистического «осмоса», приводящие к возникновению условий, допускающих генетическое сравнение³, или же, наконец, из того, что речь идет о простой случайности, когда в неродственных языках совпадают в семантическом отношении формально сходные слова⁴.

И все-таки прежнее понимание соотношения трех типов сравнения как независимых и, если угодно, равноценных не может быть сейчас признано правильным. Дело в том, что в согласии с общим направлением развития современного теоретического языкознания оказалось возможным (хотя этот факт не всегда еще осознается) включить, по крайней мере в общем виде, сравнительно-историческое языкознание со свойственным ему генетическим сравнением в виде фрагмента в более всеобъемлющую картину отношений различных языковых систем, основанную на типологическом подходе (об этом см. ниже). Точно так же становится очевидным, что приемы ареального сравнения получают более удовлетворительное объяснение при том условии, что они включаются в более общую теорию отношения двух или нескольких систем, намеченную в работах У. Вейнрейха⁵; естественно, что эта теория основывается также на типологическом подходе. Уже эти обстоятельства, не говоря о многих других, делают заслуживающим внимания предположение об универсальном характере типологических сравнений в отличие от ограниченных по сфере приложения и частных по характеру генетического и ареального подходов.

В чем же проявляется универсальность типологического подхода по сравнению с ограниченностью генетического и ареального. Во-первых,

² Образцом такого подхода можно считать работы, претендующие на установление генетической связи между двумя языками, считающимися неродственными. Наиболее четкое выражение подобное распространение приемов генетического исследования на новые области нашло в последнее время в таких работах, как: А. Сипу. *Invitation à l'étude comparative des langues indoeuropéennes et des langues chamito-sémitiques*. Paris, 1946; С. С. Ухленбек. *Ur- und altindogermanische Anulänge im Wortschatz des Eskimo*. «Anthropos», XXXVII—XL, 1942—1945; W. Thalbitzer. *Possible early contacts between Eskimo and old world languages*. «Indian tribes of aboriginal America. Selected papers of the XXIX International Congress of americanists». Chicago, 1952, стр. 50—54; J. Angere. *Die uralo-jukagirische Frage. Ein Beitrag zum Problem der sprachlichen Urverwandtschaft*. Stockholm, 1956; K. Вода. *Dravidisch und Uralaltaisch*. — *UaJb*, XXV, № 3—4, 1953; статья с тем же названием — в «Lingua» V, № 2, 1956; его же. *Tschuktschisch und Finnisch-Ugrisch*. «Lingua», IV, № 3, 1955; его же. *Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen*, «Anthropos», LII, № 1—2, 1957; P. Naert. *La situation linguistique de l'aïnou. I. Aïnou et indoeuropéen*. Lund., и др.

³ При всем различии методов в пределах этого направления следует объединить работы ряда итальянских лингвистов, начиная с М. Бартоли, а также Н. С. Грубцового и др.

⁴ Видимо, именно так нужно рассматривать схождения между кечуа и тюркскими языками, которые отдельными лингвистами трактуются как генетические. Ср.: Y. Dumézil. *Remarques sur les six premiers noms de nombres du turc*. «Studia linguistica», VIII, № 1, 1954; его же. *Remarques complémentaires sur les six premiers noms de nombres du turc et du quechua*. «Journal de la Société des Americanistes», XLIX, 1955; ср., однако: Л. И. Жирков. *Всегда ли случайно типологическое сходство языков?* — ВЯ, 1959, № 1.

⁵ См.: U. Weinreich. *Languages in contact*. New York, 1953; его же. *On the description of phonic interference*. «Word», XIII, № 1, 1957.

типологический подход к языковым явлениям произволен в том отношении, что исследователь каждый раз сам определяет критерии сравнения и может осуществлять сравнение, исходя из любого первоначального выбора; в отличие от этого при генетическом сравнении выбор критериев строго ограничен и поэтому произволен (выбираются лишь те единичные в своем роде единицы, которые только и позволяют провести сравнение и построить модель, отражающую в основных чертах действительно существовавшие исторические или доисторические факты)⁶. Во-вторых, возможности типологического сравнения гораздо шире, поскольку в основу сравнения может лечь любой факт или любое отношение фактов в данном языке, в отличие от генетического сравнения, при котором сравниваемые факты в совокупности составляют число, заведомо меньшее, чем общее количество фактов этого языка. В-третьих, при типологическом сравнении исключается фактор времени, непременно присутствующий в любом сравнительно-историческом исследовании; такое исключение времени, естественно, увеличивает возможности сравнения.

Все возрастающий интерес к типологическим исследованиям в послевоенные годы не может быть объяснен исключительно универсальностью типологического подхода, так как она была известна и раньше. Необходимые предпосылки для возобновления в широком масштабе типологических исследований⁷ были созданы вне традиционной типологии, которая так и не вышла за пределы задач так называемой морфологической классификации или сопоставления изолированных элементов без учета их места в соответствующих системах. Возможно, что именно критика в адрес современного состояния типологических исследований⁸ лучше всего раскрывает, откуда возникают импульсы, стимулирующие дальнейшее развитие лингвистической типологии. Достаточно указать на последнюю работу Бэйзела, в которой справедливо отмечается, что основные трудности в области типологии связаны с тем, что язык не гомогенен, а представляет собой ряды перекрывающихся друг друга систем (sets of overlapping systems), что существуют случаи, допускающие неоднозначную классификацию или сегментацию и т. п.⁹ Несомненно, что нынешний интерес к типологии связан самым непосредственным образом с успехами структурного языкознания в его стремлении к созданию общей теории языка, которая включала бы в себя все возможные аспекты лингвистического исследования. Развитие структурного языкознания открыло новые перспективы в типологическом подходе к языку и, с другой стороны, оно же определило направление, в котором должна быть переформулирована традиционная типология (об этом ниже).

Несколько меньшее, но принципиально аналогичное значение для оживления типологических исследований имели практические достижения в области сравнительно-исторического языкознания и попытки их осмысления в теоретическом плане. Начавшиеся еще с конца XIX в. и получившие особое развитие в последние 25 лет исследования по установлению относительной хронологии языковых явлений не могли не привести к хронологической стратификации изучаемых языков, причем оказалось возможным рассматривать каждый из получившихся срезов как своего рода совокупность фактов, образующих систему. Наличие отдельных фактов, не укладывающихся в систему, было со временем

⁶ Подробнее об этом см.: J. H. Greenberg. Essays in linguistics, стр. 66 и след.

⁷ О них можно судить хотя бы по обзорам В. Скалички. См.: V. Skalická. O současném stavu typologie. «Slovo a slovesnost», XIX, № 3, 1958; е г о ж е. Z nové typologické literatury. — Там же, XXI, № 1, 1960.

⁸ Разумеется, если не считать некоторых абсурдных выступлений вроде: J. K u d r n a. Několik poznámek ke kritice jazykového strukturalismu. «Filosofický časopis», 3, 1955, стр. 78; Y. Meyer. Einführung in die Sprachwissenschaft, Lehrbrief I. Leipzig, 1957, стр. 8 и след.

⁹ См.: C. E. Bazell. Linguistic typology. London, 1958.

использовано с целью углубления возможностей реконструкции таким образом, что, опираясь на подобные исключения, исследователь воссоздавал не отдельные факты, а целые системы (метод «внутренней» реконструкции). На этом этапе сравнительно-историческое языкознание как бы «подключалось» к проблематике структурной лингвистики, и через нее открывался путь к типологическим исследованиям. Не следует, однако, забывать и те работы, в которых типологические сравнения выступают в качестве средства доказательства той или иной реконструкции или даже ее углубления, причем структурные соображения могут вовсе отсутствовать¹⁰.

Наконец, одним из наиболее мощных стимулов к развитию типологических исследований следует считать работу в области машинного перевода. Дело в том, что работа по осуществлению машинного перевода с одного языка на другой предполагает сопоставительные исследования двух или более языков. При этом в отличие от начальных опытов, когда пытались сопоставлять отдельные единицы, в частности словоформы, в настоящее время преимущественное внимание в машинном переводе направлено на сопоставительное изучение синтаксического и морфологического уровней, что уже само по себе может рассматриваться как структурно-типологическая задача¹¹. Следующий этап исследования — построение алгоритма перехода от одного языка к другому — по существу, уже выходит за рамки частных типологических изысканий, представляя собой фрагмент универсальной типологической схемы, которую можно будет считать построенной, как только в нашем распоряжении окажутся алгоритмы всех возможных переходов от одного известного языка к любому другому в синхроническом и в диахроническом планах.

Если говорить о дальнейшем возможном вкладе машинного перевода в общую теорию структурной типологии и в разработку конкретных проблем, то следует отметить две тенденции: с одной стороны, попытки свести описание конкретных языков к единой системе содержательного плана, в то время как обычно сопоставление языковых структур в машинном переводе осуществляется на основе формальных критериев¹²; с другой стороны, стремление расширенно толковать понятие слова в языке-посреднике, когда, например, под словом разумеется не только множество эквивалентных друг другу при переводе слов и фразеологических сочетаний различных языков, но и множество эквивалентных показателей грамматических и лексических значений и множество эквивалентных показателей неграмматических словообразовательных значений различных языков¹³. Несомненно, что структурная типология языков, описываемых в виде абстрактных алгоритмов, и практически, и в области об-

¹⁰ См.: E. Benveniste. Structure des relations de personne dans le verbe. — BSL, XLIII, 1946; A. Sommerfelt. Quelques réflexions sur l'origine des pronoms indo-européens. «Revue des études indo-européennes», I, № 2—4, 1939; P. Kretschmer. Objektive Konjugation im Indogermanischen. Wien, 1947; J. Knobloch. Zur Vorgeschichte des idg. Genitivs der o-Stämme auf -yo. «Sprache», II, № 3, 1951; ег о же. La voyelle thématique -e/-o- serait-elle un indice d'objet indo-européen? «Lingua», III, № 4, 1953; J. Vendryes. L'unité dans la dualité en irlandais et en finno-ougrien. — BSL, LII, № 1, 1956; W. S. Allen. Structure and system in the Abaza verbal complex. — TPS, 1956, стр. 172 и др.

¹¹ В этой связи заслуживает внимания ряд работ по машинному переводу; ср., в частности: V. Yngve. A framework for syntactic translation. — MT, II, № 2, 1955; ег о же. Sentence-for-sentence translation. — MT, IV, № 3, 1957.

¹² См., например: E. Reifler. Outline of the project of group of Seattle, 1960; Н. Д. Андреев, Вяч. Вс. Иванов, И. А. Мельчук. Некоторые замечания и предложения относительно работы по МП в СССР. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1960, № 4, стр. 15 и др. — Характерно, что эта же тенденция отчетливо проявляется и в ряде последних работ по теоретическому языкознанию; ср. прежде всего: J. R. Firth. Papers in linguistics, 1934—1951. London, 1957 (особенно — «General linguistics and descriptive grammar», стр. 225 и след.).

¹³ См.: И. А. Мельчук. К вопросу о «грамматическом» в языке-посреднике. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1960, № 4, стр. 40—41.

идей и в дальнейшем будет тесно связана с успехами в области машинного перевода.

Встает вопрос, каковы особенности типологических исследований в настоящее время, точнее говоря, каким условиям должно удовлетворять типологическое исследование, чтобы не противоречить основным идеям и результатам структурного языкознания. По-видимому, прежде всего необходимо, чтобы понятие лингвистического типа, возникающее в процессе типологического исследования, соответствовало тому усложненному и усовершенствованному пониманию типа, которое сложилось в современной логике. Речь идет о переходе от старого «классификаторского» принципа определения научных понятий (в частности, типа) к новому принципу «ступенчатого» (abstufbar) образования этих понятий. Последний заключается в том, что не просто классификационно описывается данное явление (например, тип), но указывается его место в «признаковом пространстве» (Merkmalsraum), каждое измерение которого определяется градацией одного из признаков¹⁴. Такой подход делает возможным строгое описание типов с расплывчатыми границами и разного рода переходных образований, поскольку он предполагает системный взгляд и позволяет ввести топологические методы исследования там, где ранее использовались (и то не всегда) исключительно метрические¹⁵.

Описанным выше требованиям в настоящее время лучше всего удовлетворяют те типологические исследования, в основу которых кладется сравнение систем, а не отдельных черт или даже отношений между двумя или более языковыми элементами, хотя последнее часто оказывается весьма полезным для некоторых целей. Здесь, разумеется, не место говорить о преимуществах системного подхода, поэтому можно ограничиться лишь напоминанием, что системный подход позволяет увидеть явление в целом и, следовательно, извлечь из целого максимум полезной информации, сведя к минимуму элемент случайности. Кроме того, введение системы или частных подсистем в качестве основных типологических единиц сразу же ставит типологические исследования на надежный лингвистический фундамент, позволяя делать заключения, относящиеся к языку (langue), тогда как характерные для современной типологии приемы — вычисление отношений числа гласных к числу согласных в системе и в тексте, определение среднего числа фонем, приходящихся на слог, и слогов, приходящихся на слово, и т. п. — несмотря на их несомненный интерес не относятся непосредственно к характеристике языка, хотя с соответствующими поправками и могут быть иногда интерпретированы в связи с языком. Центральное положение, которое занимает в современной типологии сравнение систем, помимо ряда общих соображений, явствует и из того факта, что типология имеет дело с изоморфизмом, который не предполагает с обязательностью учета факторов времени и пространства¹⁶, часто препятствующих разграничению систем (ср. трудности такого рода в историческом языкознании и в диалектологии).

Однако в речи, в тексте система не дана с наглядной конкретностью, из чего как раз и следует малая целесообразность типологического сравнения текстов, если только они не подверглись предварительной обработке. Если целью типологии является сравнение типологических систем, то прежде всего необходимо произвести ряд операций, которые позволили бы перейти от текста к системе. Поэтому необходимым условием

¹⁴ Ср. аналогичную картину в физике, где пространственное положение точки определяется посредством «ступенчатых» координатных понятий; подобная тенденция находит отражение и при определении тех или иных лингвистических явлений.

¹⁵ Подробнее об этом см.: С. У. Н е m p e l, Р. О р r e n h e i m. Der Typusbegriff im Lichte der neuen Logik. Leiden, 1936, особенно стр. 66 и след.

¹⁶ См.: R. J a k o b s o n. Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics. «Reports for the Eighth International Congress of linguists. Supplement». Oslo, 1957, стр. 5.

типологического исследования нужно считать наличие предварительных описаний сравниваемых языков, причем эти описания должны быть сделаны таким образом, чтобы их можно было сравнивать. Чем же достигается подобная сравнимость самых разнообразных языковых систем? Иначе говоря, в чем следует видеть типологический и изоморфизм, существенно отличный от того, что понимается под этим термином в языкознании или в логике? ¹⁷ По-видимому, прежде всего — в одинаковости вопросной процедуры применительно к каждому языку ¹⁸. Одинаковость употребляемой лингвистической терминологии, отражающая одинаковость элементарных структурных единиц всех языков (фонема, морфема и т. п.) ¹⁹, естественно, способствует сравнимости описываемых с помощью этих универсальных единиц систем. Наконец, изоморфный характер описаний различных языков, можно предполагать, основывается на том, что все языки имеют одинаковый «субстрат» — окружающую нас действительность ²⁰ и одинаковую прагматическую направленность — быть средством коммуникации в первую очередь. Различия между языковыми системами начинаются там, где выступают разные способы сегментации внеязыковой действительности с помощью языковых средств, индивидуально специфичных для каждого языка.

Знание того, что позволяет нам сравнивать различные языковые системы в типологическом плане, одновременно подсказывает и методы построения этих систем, выступающих в качестве абстрактных моделей, сконструированных исследователем ²¹. Понятие модели широко используется в науке во всех случаях, когда непосредственное изучение реального объекта или затруднительно, или просто невозможно. При этом модели отличаются от реального объекта тем, что либо состоят из физически отличных от реального объектов, либо представляют реальный

¹⁷ См.: R. Carnap. Einführung in die symbolische Logik. Wien, 1954, стр. 67 и след., 119 и след.; L. Hjelmslev. Prolegomena to a theory of language. Baltimore, 1953; J. Kurylowicz. La notion de l'isomorphisme. — TCLC, V, 1949.

¹⁸ Ср., в частности: O. Haas. Relevance in phonetic analysis. «Word», XI, № 1, 1959.

¹⁹ «Действительно, лингвистика, единственная из ветвей антропологии, открыла элементарные единицы (фонемы, морфемы и под.), которые универсальны, объективны и теоретически значимы» (C. Kluckhohn. Universal categories of culture. «Anthropology Today». Chicago, 1953, стр. 507). О попытках выделения универсальных единиц в других областях см.: B. Malinowski. A scientific theory of culture. London, 1944; R. Firth. Elements of social organization. New York, 1951; R. L. Whistell. Introduction to kinetics; an annotation system for analysis of body motion and gesture. Washington, 1952; K. L. Pike. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior, I—III. Glendale, 1954—1958; A. Krieger. The typological concept. «The American Antiquity», IX, 1944, стр. 271—287 и др.

²⁰ Разумеется, это положение не самоочевидно и требует доказательства; тем не менее на первых порах допустимо считать это утверждение приемлемым для достаточно большого числа языков. Исключением можно было бы считать такие специфические случаи, как сравнительно меньшее число реальных неязыковых ситуаций в «культурном субстрате» некоторых малочисленных и изолированных племен, находящихся на стадии первобытно-общинного строя, по сравнению со сложным комплексом культурных моделей более цивилизованных этнических групп, не находящихся в состоянии изоляции. Но и в этом случае типологическое сравнение было бы допустимо при учете, так сказать, «разрешающей» силы лингвистических единиц сравниваемых языков. Ср., например, 30—40 фонем в большей части европейских языков и едва более десятка фонем в аранта (при отсутствии просодических средств) в связи с разным объемом реальных ситуаций, описываемых этими языками. О фонологической системе аранта см.: A. Sommerfelt. Le système phonologique d'une langue australienne. — TCLP, VIII, 1939, стр. 209—212; егже. La langue et la société. Caractères sociaux d'une langue de type archaïque. Oslo, 1938; T. Y. H. Strehlow. Aranda phonetics. «Oceania», XII, № 3, 1942. — Некоторые дополнения и уточнения см.: С. Д. Кацнельсон. К фонологии общиндоевропейской звуковой системы. — ВЯ, 1958, № 3, стр. 50 и след.

²¹ Ср. определение модели, данное в кн.: J. von Neumann, O. Morgenstern. Theory of games and economic behavior. Princeton, 1944: «Такие модели... суть теоретические конструкции с точным, исчерпывающим и не слишком сложным определением; они должны быть подобны действительности в тех отношениях, которые существенны в данном случае».

объект в измененном масштабе. К числу наиболее распространенных моделей относятся математические модели системы, под которыми — независимо от характера системы — можно понимать множество математических объектов, удовлетворяющих некоторой системе аксиом; последней в свою очередь при соответствующей интерпретации удовлетворяет определенная система реальных объектов. Поскольку как модель, так и реальная система являются отражениями одной системы аксиом, утверждения, относящиеся к модели, будут подобным же образом относиться к системе реальных объектов. Таким образом, математические модели аппроксимируют отношения внутри системы реальных объектов. Удобство обращения с такими моделями состоит в том, что они являются некоторыми абстракциями, допускающими различные формальные преобразования по определенным правилам.

В подобном понимании математическая модель находит свое место в языкознании при создании аксиоматических описаний системы языка на разных уровнях. При этом под моделью в лингвистике следует понимать любое непротиворечивое описание системы языка или фрагмента этой системы, основывающееся на строго выделяемой системе неопределяемых понятий, через которые определяются все остальные, и содержащее правила сочетания этих понятий друг с другом и правила перехода с одного уровня языка на другой.

Естественно, что при типологическом сравнении целесообразно иметь дело с такими языковыми моделями, которые с достаточной и примерно одинаковой степенью точности отражают соответствующие языки. В связи с этим возникает вопрос об определении степени удовлетворительности данной модели. Помимо общелогических критериев строгости, внутренней непротиворечивости, экономности (или, говоря в более общем виде, простоты)²², для установления степени соответствия построенных моделей тому, что имеется в речи, представляется необходимым произвести статистическую проверку. Такая проверка тем более важна, что язык, видимо, представляет собой гетерогенную систему, включающую различные подсистемы, существование которых обусловлено различными условиями функционирования языка; при этих условиях ряд статистических закономерностей окажется действительным в пределах частных подсистем. То же в еще большей степени относится и к исследованию текста, который может быть однородным в отношении употребления единиц одного уровня и неоднородным, причем каждый раз по-разному, в отношении употребления единиц других уровней²³. В частности, особенно нужной оказывается статистическая проверка на морфологическом или синтаксическом уровнях, поскольку здесь количество фигурирующих единиц значительно больше и правила их сочетания сложнее, чем, например, на фонологическом уровне.

Построив на основании текста модель данного языка и проверив степень ее соответствия реальным языковым фактам, с одной стороны, и степень изоморфности с моделями иных языков, с другой стороны, исследователь получает в свое распоряжение материал для типологического сравнения. Поскольку подобное сравнение моделей должно осуществляться по сопоставимым характеристикам, обусловленным структурой данных моделей, видимо, целесообразно сначала определить языковое «простран-

²² В применении к исследованию языка эти принципы сформулированы представителями копенгагенской школы. См.: L. Hjelmslev. Указ. соч.; H. I. Uldall. Outline of glossematics. Copenhagen, 1957; H. Spang-Hanssen. On the simplicity of description.— TCLC, V, 1949.

²³ Несколько иной вид приобретает проблема «неоднородности» языка у Гринберга, когда он определяет степень морфологической «неправильности» языка через отношение «неправильных» конструкций текста к «правильным». См.: J. H. Greenberg. A quantitative approach to the morphological typology of language. «Method and perspective in anthropology». University of Minnesota, 1954.

ство» каждого исследуемого языка; без этого вопрос о сопоставимых характеристиках не может считаться вполне решенным.

Языковое «пространство» конкретно взятого языка очерчивается кругом возможных в данном языке реализаций наличных лингвистических единиц в соответствии с правилами их сочетания; например, фонологическое «пространство» определяется количеством и набором дифференциальных признаков, правилами их сочетания в данном языке, правилами сочетания пучков этих признаков (т. е. фонем); морфологическое «пространство» определяется наличными граммемами и правилами их сочетания и т. д. Следовательно, языковое «пространство» каждого языка составляет лишь некоторую небольшую часть всего того «пространства», которое могло бы быть очерчено, если бы не существовали дистрибуционные ограничения²⁴. Очертив языковое «пространство» каждого языка, следует перейти к описанию связей в нем между лингвистическими единицами, выделяя различные виды зависимости между элементами (например, если существует *a*, существует и *b*; если существует *a*, то *b* отсутствует; если *a* отсутствует, отсутствует и *b*²⁵, причем эти правила должны формулироваться и в терминах вероятности: если существует *a*, то с такой-то вероятностью существует и *b* и т. д.).

Таким образом, типологическое исследование позволяет вскрыть определенные правила импликации тех или иных элементов, отражающие детерминированность в строении системы и вероятностный характер импликаций. Само собой разумеется, что знание этих правил конкретизирует типологическое сравнение, приближая нас к созданию универсальной грамматики. Вместе с тем подобное исследование непременно должно быть дополнено определением того, какую нагрузку несет каждый уровень данного языка или разные элементы и правила сочетания их внутри одного уровня в сегментации неязыковой действительности; понятно, что в одних языках особая нагрузка ложится на элементарные фонологические «кванты» — дифференциальные признаки и их сочетания, тогда как жесткие ограничения, налагаемые на дистрибуцию фонем, не позволяют с помощью дистрибуции элементов отразить достаточно полно модель окружающего нас мира; в других языках центр тяжести, напротив, переносится на широкие возможности дистрибуции или на другие уровни языковой системы (так, например, многое из того, что в русском языке решается на морфологическом уровне, в английском переносится на синтаксический уровень, и т. п.).

Особый круг проблем возникает при попытке построить структурную типологию языков в диахроническом плане. В обычных генетических (а не типологических) исследованиях структурного типа диахронические проблемы, как правило, сводятся к серии синхронических задач. Такой путь, несомненно, перспективен, хотя при этом остается в тени один из самых важных для науки о языке вопросов: как осуществляется переход во времени от одной системы к другой. Нам кажется, что ответ на этот вопрос, важность которого осознается все более и более²⁶, в будущем следует ожидать от исследований в области диахронической типологии языков.

²⁴ Несколько иначе ставит вопрос о «пространстве» в языке (attribute space) Гринберг. См.: J. H. Greenberg. Essays in linguistics, стр. 70—71. — О понятии «пространства» в иных областях см.: P. F. Lazareff. Some remarks on the typological procedures in social research. «Zeitschrift für Sozialforschung», IX, 1937; A. Barton. The concept of property space in the language of social research. Glencoe, 1955 и др.

²⁵ См.: R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. — TCLP, II, 1929, стр. 17.

²⁶ См., в частности: М. Павлович. Principe de corrélation et typologie linguistique. «Зборник за филологију и лингвистику», I. Нови Сад, 1957. — Ср. прежде всего призыв изучать динамику языковых явлений, процессов и вытекающий из этого интерес к формированию детской речи, к разного рода языковым смешениям и т. д.

Возможность построения диахронической структурной типологии объясняется некоторыми общими особенностями функционирования языка во времени. Дело в том, что язык как средство передачи информации должен отвечать двум условиям: во-первых, сохранять уже имеющуюся ценную информацию во времени, стремясь к панхроническому существованию, и, во-вторых, обладать известными ресурсами для передачи совершенно новой информации, изменяясь во времени. И то и другое достигается в языке тем, что в нем имеется узкая малоподвижная система максимально стандартизованных единиц и широкая очень подвижная система, надстроенная над первой системой. С помощью этой подвижной системы дается описание новых ситуаций и новое описание старых ситуаций ²⁷.

Вследствие этого в системе языка постоянны изменения, которые, если не превосходят определенный диапазон, остаются в пределах данной системы; если же они переходят заданный системой порог, то образуется другое состояние той же системы. В таком случае можно говорить о соотношении исходной системы и системы — преобразования (в кибернетическом смысле) этой исходной системы. Было бы желательным построить для каждого языка возможно более длинную цепочку преобразований системы, с тем чтобы затем, установив принципы диахронической импликации (по аналогии со сказанным выше о синхронии), в ы в е с т и в е р о я т н о с т н ы е т и п ы п р е о б р а з о в а н и й языковых систем во времени. Исследования такого рода, осуществляемые на уровне моделей и с применением топологических методов, могли бы открыть совершенно новый аспект в структурной типологии — типологию изменяющихся систем. Как ни сложен этот путь, он, видимо, является кратчайшим в решении задач, выдвигаемых структурной диахронией, в частности сравнительно-историческим языкознанием.

Очерченный выше круг проблем структурной типологии никогда еще не был, строго говоря, предметом конкретных исследований, и в этом смысле изложенное выше скорее показывает, какой должна быть структурная типология, чем ее современное состояние. Поэтому уже сказанное следует дополнить указанием на то, что пока сделано в области типологического исследования языков, прежде всего, конечно, славянских. Разница между задачами структурной типологии и тем, что достигнуто в конкретных работах, поможет, видимо, выявить наиболее отстающие участки типологических исследований и практически наметить основные направления в разработке структурной типологии славянских языков.

Вне всяких сомнений, что именно И. А. Бодуэн де Куртенэ еще в 70-х годах прошлого века впервые в славянском языкознании выдвинул и даже довольно конкретно развил идею типологического сравнения в связи с морфологической классификацией языков ²⁸. Хотя в целом бодуэновская типология не может быть названа структурной, в ней содержится (иногда в скрытом виде) немало предпосылок, которые — не будь они забыты последующими исследователями — привели бы к созданию структурной типологии намного раньше, чем это произошло в действительности. Бодуэна де Куртенэ интересовало не только то, как и с помощью каких средств слоги объединяются в слово (способы присоединения морфем, ударение, гармония главных, чередование гласных и т. п.), но и

²⁷ Ср. аналогичное соотношение между малой, практически неизменяемой системой и надстроенной над ней большой и изменчивой системой в работе мозга.

²⁸ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Подробная программа лекций в 1876—1877 учебном году. Казань—Варшава, 1878; е г о ж е. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава — Петербург, 1875 (глава 6); е г о ж е. Глоттологические (лингвистические) заметки, вып. 1. Воронеж, 1877; е г о ж е. Некоторые отделы «Сравнительной грамматики славянских языков». Отрывки из лекций, читанных в 1880—1881 году в Имп. Казанском университете. Варшава, 1881 и др.

гораздо более общие вопросы — связь морфологической классификации с различиями в хозяйственном укладе и исторических тенденциях; параллели между общими морфологическими чертами языков разного строя и одинаковостью химических и физических процессов в организмах, принадлежащих к разным типам; отношение морфологической классификации к генетической; основы (в смысле выбора исходных элементов) морфологической типологии и т. д. В работах, посвященных сравнительной или сопоставительной грамматике славянских языков, Бодуэн де Куртенэ нередко начинает с типологического сравнения графических систем (или, в его терминологии, «писанно-зрительных элементов»), не только подчеркивая разный исторический путь, пройденный этими системами, но и определяя степень совпадения и несовпадения букв славянской латиницы и кириллицы. По такому же принципу строится сравнение «произносительно-слуховых языков», при котором постоянно указываются взаимные соответствия звуков и случаи нарушения этих соответствий.

Привлекая статистические методы, Бодуэн де Куртенэ предлагает определять вероятность появления тех или иных гласных в отдельных славянских языках²⁹. Он же обращает внимание на важную, хотя и неточно им сформулированную константу типологии фонетических процессов, а именно — на обратное отношение между суммой работы в полости рта и в гортани³⁰ (ср. сопоставление в этом плане польского языка с обилием артикуляций в ротовой области и сербско-хорватского с подчеркнутой ролью участия гортани в произнесении звуков). В плане дальнейшего развития языкознания поучительна попытка Бодуэна де Куртенэ дать нечто вроде типологии форм вежливости и почтения в отдельных славянских языках, а также исследование таких соотношений, как русск. *он выше, она выше, оно выше* при польск. *on jest wyższy, ona jest wyższa, ono jest wyższe* и т. п.³¹ (вопрос, дебатировавшийся в последнее время в связи с машинным переводом).

Но наибольшим вкладом в типологию славянских языков было предложенное еще в XIX в. классификационное деление их в зависимости от отношения долготы и краткости к характеру ударения на пять групп: 1) подвижное ударение — противопоставление долгих и кратких гласных (сербско-хорватский), 2) подвижное ударение — противопоставление долгих и кратких гласных только в ударных слогах (некоторые говоры словенского языка, в частности резьянские), 3) подвижное ударение — отсутствие противопоставления по долготе-краткости (русский, болгарский), 4) отсутствие подвижного ударения — противопоставление долгих и кратких гласных (чешский, словацкий), 5) наличие антропофонического (а не морфологического) ударения — отсутствие противопоставления долгих и кратких гласных (польский, кашубский, полабский, сербо-лужицкий)³².

Не случайно, что в наше время усовершенствованная схема Бодуэна де Куртенэ послужила солидным основанием для фонологической типологии славянских языков³³. Уже в конце своей жизни Бодуэн де Куртенэ подчеркивал первостепенную важность группировки славянских диалектов в соответствии с их синхроническими особенностями; внима-

²⁹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Некоторые отделы «Сравнительной грамматики славянских языков», стр. 35 (преобладание *i* в украинском и чешском, *a* — в сербско-хорватском, *e* — в польском и т. п.).

³⁰ Там же, стр. 36.

³¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Польский язык сравнительно с русским и древнецерковнославянским. СПб., 1912.

³² И. А. Бодуэн де Куртенэ. Подробная программа лекций в 1877—1878 учебном году. Казань—Варшава, 1879, стр. 144—145.

³³ См.: E. S t a n k i e w i c z. Towards a phonemic typology of the slavic languages. «American contributions to the Fourth International Congress of slavists». S-Gravenhage, 1958.

ние обращалось не только на фонетические различия, но и на те грамматические расхождения, которые образуют изоглоссы³⁴.

Можно смело утверждать, что работы Бодуэна де Куртенэ и тех из лингвистов, которые продолжали его линию, более всего приближаются к требованиям, предъявляемым структурной типологией сегодня. В этой связи необходимо упомянуть схему Р. О. Якобсона, четко формулирующую отношение между музыкальными корреляциями и корреляцией согласных по твердости-мягкости в славянских языках: 1) зона триумфа музыкальных корреляций — отсутствие корреляции по твердости-мягкости; 2) зона усвоения корреляции по твердости-мягкости, которая в свою очередь делится на две части: а) музыкальные корреляции отсутствуют совсем, б) они сохраняются в виде отдельных следов (болгарский, украинский)³⁵. Еще более подробную разработку фонологическая типология славянских языков получила в докладе Э. Станкевича на IV Международном съезде славистов³⁶.

Применение анализа по дифференциальным элементам (*distinctive features*) позволило очень четко и последовательно описать общие черты, разделяемые всеми славянскими языками, и те точки лингвистического континуума, состоящего из постепенно варьирующихся фонологических схем, в которых такая схема превращается в самостоятельный тип фонологической системы. Станкевич учитывает в своей фонологической типологии не отдельные фрагменты из системы гласных (как, например, противопоставление долгих-кратких у Бодуэна де Куртенэ) или согласных (ср. корреляцию по твердости-мягкости у Якобсона), а системы гласных, согласных и просодических свойств в целом, что придает исследованию более универсальный характер. Поэтому и выводы его связаны с большим числом различных фактов. В этом отношении показательна классификация славянских языков с учетом фонологической палатализации согласных в сравнении с аналогичной классификацией у Якобсона; у Станкевича она оказывается более объемной и теснее связанной с системными различиями. Разумеется, можно было бы выбрать и иные единицы для типологического сравнения фонологических систем, что привело бы к иной классификации славянских языков. Тем не менее исследование американского лингвиста представляет собой пока наиболее совершенный фрагмент структурной типологии славянских языков.

Другие попытки типологического исследования славянских языков, сохраняя свое значение в связи с частными целями, строго говоря, не являются вкладом в структурную типологию, хотя иногда и могут быть переформулированы в терминах, характеризующих систему. Из таких попыток более значительной представляется та, что была предпринята А. В. Исаченко в 1939 г.³⁷ и нашла ряд продолжений, в частности и в славистике. Суть работы Исаченко заключается в классификации славянских языков в связи с количественным отношением гласных и согласных в системе (такого же рода исследования могут быть ориентированы и на текст, «*pragmatic quantitative statement*», по Гринбергу). Результатом наблюдений было установление четырех основных типов славянских языков, которые характеризуются различиями в указанном выше отношении; оказалось, что крайние полюса занимают «консонантическая» система польского языка (35 согласных — 5 гласных) и «вокалическая» система сербско-хорватского языка (20 согласных — 24 гласных). Помимо уже

³⁴ B a u d o u i n d e C o u r t e n a y. Izoglosy w świecie językowym słowiańskim. «Sborník prací I sjezdu slovanských filologů v Praze». Praha, 1929, 2, стр. 448—450.

³⁵ R. J a k o b s o n. Remarques sur l'évolution phonologique du russe, стр. 79 (ср. также стр. 18); е г о ж е. Slavic languages. 2-nd ed. New York, 1955, стр. 15—16.

³⁶ E. S t a n k i e w i c z. Указ. соч.

³⁷ A. V. I s a t s c h e n k o. Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen. «Linguistica Slovaca», I, 1939—1940, стр. 64 и след.; Zbirka odgovora na pitanja, № 1; «III Međunarodni Kongres Slavista». Beograd, 1939, стр. 74 и след.

сделанных в печати критических замечаний по поводу статьи Исаченко³⁸, можно добавить еще следующее. Если отношение числа гласных и согласных и содержит некоторую информацию о системе, то она оказывается весьма ограниченной и к тому же нуждается в интерпретации и, видимо, в привлечении некоторых дополнительных данных для того, чтобы полностью извлечь эту информацию о системе. Совершенно очевидно, что при наличии огромного числа языков и диалектов, измеряющегося тысячами, и при весьма ограниченном количестве фонем, свойственных каждому языку (в среднем от 20 до 50), будет весьма много случаев совпадения указанного коэффициента, чтобы считать его достаточным различительным признаком. Лишь отчасти исправляет положение предложенный И. Крамским отдельный подсчет отношения согласных и гласных в тексте и в системе («инвентарь»), произведенный им для согласных восьми языков (в частности, для чешского и словацкого)³⁹. Тем не менее следует считать ценными сведения о том, что процент гласных фонем связанного текста должен быть ниже, чем в системе; эта закономерность окажется полезной для построения алгоритма перехода от текста к системе и обратно. В русле идей Исаченко находятся результаты исследования П. Ковалева, подчеркивающего «консонантический» характер русского языка в противоположность «вокалическому» украинскому⁴⁰.

Несколько иной вид приобретают типологические исследования славянских языков, выходящие за пределы фонологии. Однако в некоторых таких работах ощущается стремление перенести мысль о зависимости между фонологическими единицами (гласные и согласные) на морфологический уровень. Так, указывалось, что потеря вспомогательного глагола в русском языке привела к сокращению глагольной системы при том, что русский язык обладает наиболее обширной падежной системой; напротив, в болгарском языке при максимальном сужении системы словоизменения в имени глагол сохраняет все богатство форм⁴¹. Менее поучительными с точки зрения требований структурной типологии следует считать как раз те работы, которые составляют подавляющее большинство всех типологических исследований в области славянских языков. Ценные в других отношениях, эти работы подчеркивают гетерогенный характер различных частей языка, обычно не пытаюсь проследить отражения подобной гетерогенности в системе или хотя бы определить количественно отношения между разными морфологическими типами (флективный, агглютинативный, изолирующий и под.) в пределах одного и того же языка. Поэтому исследования такого рода обычно не дают возможности построить соответствующие модели и оперировать с ними при сравнении (ср. работы Э. Леви, В. Леттенбауэра, И. Пекова, В. Скалички и др.)⁴². Некоторое исключение составляют работы В. Скалички. Не говоря здесь о больших

³⁸ Ср., в частности: E. S t a n k i e w i c z. Указ. соч., стр. 2—3.

³⁹ J. K r á m s k ý. Fonologické využití samohláskových foném. «Linguistica Slovaca», IV—VI, 1946—1948.

⁴⁰ P. K o v a l i v. The problem of the typology of the Slavonic languages. «The Slavonic and East-European Review», XXXIII, № 80, 1954. — Следует здесь же упомянуть и о попытке использовать количественные характеристики для сравнительного анализа болгарского и русского языка. См.: И. Л е к о в. Характеристика на общите черти в български и източнославянски. — Сб. БАН, 1941, XXXVII, № 1, стр. 59 и след.; ср. е г о ж е. За общия характер на количествените промени в българския език. «Български език», 1960, X, № 4, стр. 289 и след.

⁴¹ См.: A. I s s a t c h e n k o. Tense and auxiliary verbs with special reference to Slavic language. «Language», XVI, № 3, 1940.

⁴² E. L e w y. Betrachtung des Russischen. — ZfslPh, II, 1925, стр. 415 и след. (замечания Д. В. Бубриха см. там же, III, 1926, стр. 479); W. L e t t e n b a u e r. Synthetische und analytische Flexion in den slavischen Sprachen. «Münchener Beiträge zur Slawenkunde». München, 1953; И. Л е к о в. Отклонения от флективного строя в славянских языках. — ВЯ, 1956, № 2; V. S k a l i č k a. Vývoj české deklinace. «Studie typologická». Praha, 1941; е г о ж е. Typ češtiny. Praha, 1951; е г о ж е. Typologie slovanských jazyků, zvláště ruštiny. «Československá rusistika», 1958, № 2—3; е г о ж е. Zur ungarischen Grammatik. Prag., 1935.

заслугах этого ученого, хотелось бы отметить два обстоятельства, которые позволяют соотнести результаты исследований Скалички с требованиями, выдвигаемыми структурной типологией. Речь идет о предлагаемых им в одной из последних работ ⁴³ принципах, на которых должна быть основана фонетическая типология, — зависимость между числом гласных и согласных на условиях взаимной компенсации, зависимость между числом фонем и длиной слова, зависимость между дистрибутивными возможностями фонем. С другой стороны, заслуживает пристального внимания стремление чешского ученого изучать и диахронический аспект в типологии; хотя Скаличка оперирует не моделями, а отдельными явлениями или некоторой совокупностью их, причем степень формализации сравниваемых единиц явно недостаточна, получаемые результаты могут быть сформулированы в более «операционном» плане, а в дальнейшем, в случае успешного развития диахронической типологии (см. выше), не исключено, что эти результаты смогут быть интерпретированы в более строгом виде как относящиеся к системе. В частности, это могло бы прежде всего относиться к рассуждениям о развитии чешского склонения, к критическим замечаниям по адресу Рохера и Трубецкого в связи с намечаемыми ими тенденциями в развитии чешского и словацкого склонения ⁴⁴. Не следует, однако, думать, что любое типологическое исследование, построенное на определении соотношения между элементами разных морфологических типов, оказывается мало целесообразным для нужд структурной типологии. Пример Гринберга, который, воспользовавшись несколько модифицированной типологической схемой Сепира, ввел количественные характеристики для отношений разного рода, показывает, что и при таком подходе удается сделать типологическое сравнение объективным и измеримым, во-первых, и предельно сблизить его с требованиями структурной типологии, во-вторых ⁴⁵.

Наконец, следует упомянуть о новом и, с нашей точки зрения, весьма интересном подходе к типологии славянских языков в недавней работе А. В. Исаченко ⁴⁶. Суть его заключается в структурно-типологическом сопоставлении определенного слоя лексики, вызванного к жизни определенными изменениями в окружающем мире; в выявлении того, каким образом каждый славянский язык (речь идет о литературных языках, конкретно — о чешском и русском) справляется с этой задачей, и является предметом исследования. Устанавливаемая противоположность между семантической конденсированностью чешского суффиксального словообразования и тенденцией к комплексным образованиям (включая аббревиатуры) в русском языке отражает весьма важное типологическое расхождение, зафиксированное на относительно ранней стадии его развития (ср. чешск. *železnice* — русск. *железная дорога*, чешск. *hledisko* — русск. *точка зрения*, чешск. — *bránice* — русск. *грудобрюшная преграда* и т. п.).

Практически сделанное в области типологии славянских языков исчерпывается перечисленными работами ⁴⁷. Разумеется, если обратиться

⁴³ V. Skalička. Typologie slovanských jazyků, zvláště ruštiny.

⁴⁴ V. Skalička. Vývoj české deklinace.

⁴⁵ J. H. Greenberg. A quantitative approach to the morphological typology of language. Ср. такие характеристики, как мера синтетичности M/W , где M — морфема, W — слово), мера агглютинативности (A/I , где A — число агглютинативных конструкций, I — число морфемных сочетаний), мера флективности (I/W , где I — флективные морфемы, W — слово) и т. п.

⁴⁶ А. В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков. «Slavia», XXVII, № 3, 1958.

⁴⁷ Разумеется, здесь не были названы типологические исследования, в которых один из славянских языков сравнивается с неславянскими. Хотя подавляющее большинство подобных работ носит характер обыкновенного сопоставления и имеет лишь небольшое значение для наших целей, можно назвать отдельные весьма интересные исследования. Ср.: J. V. Neustupný. Accent in Japanese and Russian. A typological study. «Archiv Orientální», XXVII, 1959, стр. 122—142 и др.

к типологическим исследованиям на материале других языков, то окажется, что сделано гораздо больше, причем многое имеет непосредственное отношение к описанию взаимоотношения языковых структур. Здесь не место перечислять эти работы, тем более, что о них уже не раз писалось. Поэтому достаточно лишь указать на те основные направления типологических исследований, которые в славянском языкознании представлены слабо или вовсе не представлены: к в а н т и т а т и в н а я т и п о л о г и я, относящаяся к анализу как системы, так и текста (ср. измерение степени симметричности звуковых систем при помощи исчисления комбинаций звуковых черт, используемых в системе; измерение отношения гласных и согласных в системе и в тексте; вычисление относительной частности разных сочетаний фонем; измерение энтропии системы и определение степени экономности в использовании фонем; вычисление количества звуков, приходящихся в среднем на слог, слов, словослов — на слово; определение относительной частоты слов; установление количественных индексов, характеризующих морфологическое строение языка и т. д.)⁴⁸; и с с л е д о в а н и я с и н т а к с и ч е с к и х с т р у к т у р⁴⁹.

В свете сказанного выше первоочередной задачей структурной типологии славянских языков следует считать построение инвариантных моделей всех славянских языков на основе указанных выше принципов. Эти модели будут представлять собой исходный материал для сравнения типологических структур славянских языков. При наличии договоренности о принципах построения моделей практическая работа могла бы быть начата одновременно в разных лингвистических центрах страны. При этом целесообразно было бы приступить к созданию моделей славянских языков, начиная с фонологического уровня и постепенно поднимаясь на следующие уровни, или, наоборот, начиная с установления структурных отношений в предложении и постепенно спускаясь к слогу, фонеме, дифференциальным признакам фонем. Любая другая исходная точка при построении модели привела бы к усложнению работы. При окончатель-

⁴⁸ См.: J. H. Greenberg. A quantitative approach to the morphological typology of language. — IJAL, XXIII, 1957; J. C. Pierce. A statistical study of consonants in New World languages. — Там же; S. Saporta. Methodological considerations regarding a statistical approach to typologies. — Там же; J. Krámský. On the quantitative phonemic analysis of English mono- and dyssyllables. «Philologica», VIII, 1956, стр. 45 и след.; ег о ж е. A quantitative typology of languages. «Language and Speech», II, № 2, 1959; P. Menzera th. Typology of languages. «The Journal of the Acoustical Society of American», XXII, 1950, № 6; P. Menzera th, W. Meyer-Eppeler. Sprachtypologische Untersuchungen, I. Lund, 1950; W. Fucks. Mathematische Analyse von Sprachelementen. Sprachstil und Sprache. Köln, 1955; ег о ж е. Zur Deutung einfachster mathematischer Sprachcharakteristiken. Köln—Opladen, 1956; C. E. Shannon, W. Weaver. The mathematical theory of communication. Urbana, 1949; H. Spang-Hanssen. Probability and structural classification in language description. København, 1959; B. Trnka. Kvantitativní lingvistika. «Časopis pro moderní filologú», XXXIV, 1951; W. Mánczak. Fréquence d'emploi des occlusives labiales, dentales et vélares. — BSL, LIV, 1959; R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle. Preliminaries to speech analysis: the distinctive features and their correlates. Massachusetts Institute of Technology, Technical report, № 13, 1955; C. E. Osgood, T. A. Sebeok. Psycholinguistics. A survey of theory and research problems, 1954; T. Milewski. Phonological typology of American Indian Languages. «Lingua Posnaniensis», IV, 1953; ег о ж е. Podstawy teoretyczne typologii języków. — BPTJ, X, 1950; A. L. Kroeber. On typological indices. I: Ranking of languages. — IJAL, XXVI, № 3, 1960; C. F. Voegelin, R. A. Ramaujan, F. M. Voegelin. Typology of density ranges. I: Introduction. — Там же и др.

⁴⁹ Ср.: C. E. Bazell. Syntactic relations and linguistic typology. «Cahiers Ferdinand de Saussure», VIII, 1949, стр. 5 и след.; T. Milewski. La structure de la phrase dans les langues indigènes de l'Amérique du Nord. «Lingua Posnaniensis», II, 1950; ег о ж е. Typologia syntaktyczna języków amerykańskich. — BPTJ, 1953, XII, стр. 1 и след.; F. W. Householder. First thoughts of syntactic indices. IJAL, XXVI, № 3, 1960; отчасти: И. И. Мещанинов. Типологические сопоставления и типология систем. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1958, № 3 и др.

ном выборе из двух предложенных путей, по-видимому, разумнее выбрать первый, т. е. начать исследование с построения фонологических моделей славянских языков. В пользу такого выбора говорит относительная простота фонологических систем, наличие реально выделяемых минимальных единиц — дифференциальных признаков, с помощью которых можно единообразно описать всю данную систему, связав ее различные части (подсистемы гласных, согласных, просодем и т. п.). Установление дистрибутивных закономерностей на фонологическом уровне также не представляет слишком больших сложностей ввиду более ограниченного, чем в морфологии или синтаксисе, числа возможных ситуаций. Таким образом, именно фонологический аспект общей модели того или иного языка мог бы получить описание в строгом виде в относительно небольшие сроки. Если учесть, что как раз фонологические модели поддаются наиболее точному сравнению, то станет понятным предлагаемый здесь путь. При этом следует, конечно, помнить, что построение фонологической модели должно рассматриваться и как некоторая подготовка к созданию более сложных моделей на других уровнях. Естественно, что создание фонологических моделей может быть начато на материале любого славянского языка. По нашему мнению, настоятельной является задача создать по возможности полный каталог (архив) фонологических моделей славянских диалектов, пополняя его затем данными, относящимися к языкам, в той или иной мере «подключенным» к восточноевропейской фонологической зоне; в дальнейшем могла бы возникнуть необходимость создать чрезвычайно богатый архив фонологических моделей, который позволил бы приступить к построению универсальной типологии фонологических систем⁵⁰. Понятно, что в целях получения единообразных и полных описаний фонологических систем необходимо предварительно составить программу вопросов, на которые должно отвечать каждое фонологическое описание. С другой стороны, для удобства сравнения было бы целесообразно давать предельно сжатые схемы фонологических моделей, используя соответствующую стандартную символику и таблицы. В дальнейшем было бы нетрудно наладить обмен материалами из фонологического архива.

Разумеется, проблемы реализации частотных фонологических систем в тексте, особенно вопрос о соотношении числа дифференциальных признаков, с помощью которых можно описать данную фонему, с ее дистрибутивными возможностями, должны быть поставлены сразу же после того, как будут построены соответствующие фонологические модели. В этой связи стоит напомнить, что одним из плодотворных и практически осуществимых подходов к описанию языка может стать построение вероятностных моделей — прежде всего на фонологическом уровне (эта задача, видимо, могла бы быть в принципе решена и без обращения к вычислительным устройствам), а затем — и на других уровнях языковой системы. В последнем случае применение вычислительной техники представляется совершенно необходимым. Поскольку статистические исследования связаны с применением новейшей аппаратуры, следует поставить вопрос о скорейшем создании единого центра по статистическому обследованию различных знаковых систем, подобно аналогичным центрам, созданным в последние годы в других странах. Без такого центра статистические исследования в области славянских языков останутся неосуществленными.

Наряду с созданием частных моделей уже сейчас встает вопрос о построении общей модели конкретного языка, учитывающей все уровни языковой системы и переходы между ними. Такая модель могла бы быть

⁵⁰ Ср. опыт составления фонологической картотеки Н. С. Трубецким (см.: TCLP, VIII, 1939), а также: R. Wells. Archiving and language typology. — IJAL, XX, № 2, 1954.

построена при условии исчерпывающего структурного описания данного языка. Учитывая ряд соображений практического, методического и теоретического характера, представляется целесообразным начать исследования с русского языка, разумно ограничивая свои задачи: прежде всего речь шла бы, видимо, о синхронном описании некоторой относительно простой разновидности русского языка или же о создании синтезирующей грамматики этого языка с учетом всех его функциональных разновидностей и с определением того, в какой степени общее описание удовлетворяет этим разновидностям.

Хотя на первых порах, как отмечалось выше, более целесообразны структурные описания современного языкового состояния, уже сейчас ясна необходимость разработки теоретических и некоторых практических предпосылок для изучения основных типов преобразований одной структуры в другую в диахроническом плане. В этой связи было бы полезным изучение, а в дальнейшем — и систематизация основных типов лингвистических изменений применительно к некоторым элементарным микросистемам, повторяющимся в возможно большем числе языков. Некоторые пути к созданию структурной диахронии могут быть намечены в результате изучения диалектов в структурном плане. К сожалению, у нас такие описания практически отсутствуют, хотя теоретическое обоснование возможности такого подхода вполне убедительно⁵¹. Поэтому структурное изучение славянских диалектов и составление хотя бы относительно несложных программ по сбору материала, а затем и атласов представляется той задачей, к осуществлению которой можно приступить уже сейчас, притом в разных славистических центрах.

⁵¹ По этому вопросу существует ряд работ, появившихся в последнее десятилетие. Специально на славянском материале построена статья Станкевича (E. S t a n k i e w i c z. On discreteness and continuity in structural dialectology. «Word», XIII, № 1, 1957).